

24.12.2018 г.

http://www.ng.ru/stsenarii/2018-12-24/10_7472_postfactum.html

Экономическая мифология живет и побеждает

О странной жизни в «постфактическом мире»

Руслан Гринберг

Об авторе: Руслан Семенович Гринберг – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН.

Как ни странно, но, по моему глубокому убеждению, экономическая мифология в нынешнем, казалось бы, просвещенном веке не только живет, но и побеждает.

Мало того, это связано с общим соотношением науки и мифологии, знания и невежества. Конечно, это старая как мир история, но сегодня в ней появляются новые феномены. Один из них, по изящному определению, кажется, немецких ученых, звучит так: «Мы уже живем в постфактическом мире». Это означает, что факты, информация уже особого значения не имеют. Гораздо важнее их интерпретация. Похоже, именно отсюда вытекает такое понятие, как «постправда». Что это такое, мне кажется, многие прогрессисты пока еще не постигли, но уже убеждены, что правда здесь ни при чем.

Что же касается мифа, то у меня с детства осталось ощущение какого-то величия этого понятия. Но когда серьезно задумаешься над тем, что натворили на почве мифотворчества люди за всю историю человечества, то тут надо говорить скорее о величии заблуждений. Миф ни в коем случае нельзя абсолютизировать, делать его неприкасаемым. Поэтому разбор любого мифа надо начинать с его утопической части. И если говорить о той науке, которой я занимаюсь, то здесь приходится иметь дело с двумя утопиями, или мифами. Еще у многих в памяти миф о благотворности централизованной командной экономики, которая жила и умерла на глазах людей моего поколения в конце 80-х годов прошлого века.

Второй миф является, по сути, антиподом первого. Он абсолютизирует всемогущество свободного рынка. В свое время Фрэнсис Фукуяма прославился своим эпическим трудом «Конец истории и последний человек».

В нем он доказывал, что распространение и победа в мире либеральной демократии западного образца ставит конечную точку в социокультурной эволюции человечества и означает конец века идеологических противостояний, глобальных революций и войн. Дальше люди будут жить в благодатных условиях рыночной экономики. Вместе с тем постепенно отпадет нужда в искусствах, философии и прочих феноменах, связанных с былыми идейными противостояниями.

Однако вскоре выяснилось, что, как говорится, жизнь богаче. И автор «Конца истории» вынужден был признать, что погорячился и недооценил многие факторы и процессы, происходящие в реальном

мире. Взять хотя бы исламский фундаментализм, для которого либеральная демократия и свободный рынок – это просто детские игры.

Но еще более убедительным аргументом в споре с Фукуямой стал повальный пессимизм мыслящих людей разных стран по поводу безальтернативности свободного рынка. Эти настроения выражались не только в теоретических работах разных ученых, но и в сотрясениях международной политики последнего времени. Это и брекзит, и избрание Трампа в США, и волнения во Франции, и всевозможные другие европейские события.

Конечно, во всем этом политическом калейдоскопе просматриваются разнообразные экономические миражи и мифы. Причем Россию в этом смысле надо разглядывать отдельно.

На мой взгляд, двумя всеохватывающими мифами в России XX века являются миф о справедливости в 1917 году и миф о свободе 1991 года.

В октябре 1917-го страна жаждала справедливости и при этом проигнорировала свободу. 1991-й стал началом трансформации, когда мы выбрали свободу, в которой вскоре растворились мечты о справедливости.

И может быть, только сегодня начинаем понимать, что в реальной жизни надо было не противопоставлять эти две великие базовые ценности человеческого общежития а искать с учетом многих национальных особенностей баланс между ними. Но поскольку мы по части поисков компромиссов еще те мастера, то жаловаться нам некому. Как бы то ни было, в интересах цивилизационного развития нам еще не поздно понять три свои социокультурные особенности.

Первая из них – это нетерпение. Нам всегда и всюду хочется сделать все и получить результат если не мгновенно, то очень быстро. Словом, скорость перемен важнее их содержания. Установка на шоковые радикальные меры в нашей антикоммунистической трансформации, стремление практически за ночь получить новую страну «без учета места и времени» не могли не привести к закономерному результату – меньшинство получает большинство ресурсов и благ, большинство остается ни с чем.

Вторая – безоговорочное копирование западных идей и концепций без учета собственных.

И третья особенность на философском языке называется «онтологизация теоретического знания». В обыденном представлении это означает безоглядное внедрение «единственно правильного учения». То есть без учета интересов тех, кому эти изменения адресованы.

В 1917 году это было принуждением к счастью, понимаемому как равенство без свободы. А в 1991-м это была история с отменой всяческих ограничений, что должно было привести общество к благоденствию уже капиталистическому. Как теперь выяснилось, и с этим порывом не заладилось.

К этим особенностям надо добавить еще один наш ментальный феномен, который я назвал бы мифологическим ультиматумом. Здесь надо вспомнить время, когда миф о безальтернативности выбранного плана реформ укреплялся сборниками публицистики. Как сейчас помню заглавие одного из сборников – «Иного не дано». Но ведь так может мыслить только противник демократии – будь то либерал или консерватор. При таком условии нет выбора. А раз нет выбора – нет и свободы.

Шахтеры касками стучали

А теперь о российских экономических мифах более конкретно.

Первый из них основывался на «концепции естественных конкурентных преимуществ». Суть ее проста. В мире существует международное разделение труда. И каждая страна, участвующая в нем, производит и продает те товары и услуги, которые качественнее и дешевле, чем у других. На первый взгляд все понятно. Но правильно говорят, что черт прячется в деталях. А детали таковы. Скороспелое открытие российской экономики остальному миру после 70 лет изоляции не могло не привести к лавинообразному спаду обрабатывающей промышленности страны, ибо, как и следовало ожидать, она оказалась не в состоянии соперничать с опытными международными корпорациями. Законы рынка, который было принято тогда обожать без всяких оговорок, сработали таким образом, что экономика естественным образом становилась топливно-сырьевой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Примитивизация структуры хозяйства – главное и самое печальное из них. До сих пор страна не может освободиться от унижительной зависимости от динамики мировых цен на нефть. Изменчивость стоимости нашего «естественного конкурентного преимущества» не перестает держать страну в ожидании «черного дня».

Второй миф основан на том, что частная собственность по определению лучше, чем государственная, поэтому последнюю можно и нужно как можно скорее раздать в частные руки.

За эту раздачу у правительственного Белого дома когда-то выступали шахтеры, которые истово стучали касками, требуя хотя бы крохотного, но своего угольного пласта.

Многим казалось, что душа рынка – собственность. Но это давно не так. Сегодня душа рынка – конкуренция, о которой тогда мало кто задумывался.

Когда свобода захватывает всех и кружит головы многим, мало кто вообще продолжает думать серьезно. Сегодня выясняется, что не надо было приватизировать кур, несущих золотые яйца. Это я о нефтяных комплексах, которые поделить на всех не получилось, но и государство от дележа мало что выиграло. А главное, такая приватизация привела к тому, что сама частная собственность перестала быть легитимной в глазах общества.

Теперь еще об одном российском национальном мифе. Это сказка о том, что наш народ есть не кто иной, как могучий патерналист. Дескать, каждый россиянин спит и видит, как звонят в его дверь госчиновники и донимают его принять какую-нибудь социальную помощь. А когда такой гражданин просыпается и видит, что ничего нет, то и ладно. Сам пальцем не шевельнет – будет храпеть дальше.

Это, на мой взгляд, очень лицемерный миф.

На самом деле народ брошен властью на произвол судьбы. Большинство людей и семей выживает как может. От неофициальной и несистематической занятости до двух-трех работ – вот что характеризует положение многих трудоспособных людей. Одна учительница очень хорошо сказала: «На одну ставку не поест. А на две ставки уже и есть некогда».

Дело в том, что уровень жизни самой власти всех уровней в основном обеспечивается бюджетом. Поэтому тот, кто обвиняет народ в пассивности, и есть самый настоящий патерналист.

Время неприкрытого конформизма

Следующим, я бы сказал, коварным мифом является «теория» о ненужности демократии. Если почитать отдельных прогрессистов, то среди их призывов звучит примерно такой: «России для инноваций демократия не нужна».

Но она не нужна и во многих других направлениях человеческой деятельности. Тут у ребят какая-то путаница. «Демократия» – это от слова «народ». Она нужна людям и больше никому. Это доказывает история. Демократия – сама по себе ценность.

С учетом нынешних политических реалий такие выпады против демократии демонстрируют неприкрытый конформизм тех, кто в свое время демонстрировал чуть ли ни клятвенную верность демократическим ценностям. Чего не скажешь сегодня о позиции Горбачева, который остался верен тем принципам, что формулировал и разъяснял, будучи у власти.

Своей политикой он хотел очеловечить советское общество. А это значит – сделать людей свободными. И ту свободу, которая была нам дана, он считал дополнительным рычагом к улучшению жизни и ускорению развития общества.

Но, конечно же, готовность наших людей к такой неслыханной свободе была очень слабой, и не они сами были в этом виноваты.

Были в то время вокруг Горбачева и люди с закоренелым авторитарным сознанием.

Думая об этом, я укрепился в мысли о том, что всякий по-настоящему просвещенный руководитель вольно или невольно начнет заботиться об образовании людей, которых знание делает более эффективными. И будет непременно чувствовать, что его образованным подчиненным тоже необходима свобода выбора всего и вся. Это показывает практика жизни народов мира на протяжении 6 тыс. лет.

Такая вот интересная закономерность.

Следующий миф – об активной помощи Запада России в последние 30 лет. Но факты против мифа таковы: на один ввезенный в нашу страну доллар приходится 4 доллара, вывезенных из России. Так кто после этого кому помогал?

Теперь миф о недоразвитости малого и среднего бизнеса, который у нас занимает 20% от всей экономики. В то время как в развитых странах эта цифра колеблется от 50 до 80%.

На самом деле наш малый и средний бизнес вполне развит, но его низкая доля определяется тем, что у нас нет большого диверсифицированного бизнеса. Тот же «Самсунг» или «Дженерал электрик» располагают дочерними компаниями, которым поставляют узлы и детали. Тем самым эти предприятия малого и среднего бизнеса получают возможность конкурировать с себе подобными, а это значит – развиваться.

Увы, наш же большой бизнес пока не нуждается в такой производственной схеме. Потому что у нас под эту категорию подпадают телекоммуникации, нефтяные и нефтегазовые гиганты, банки – и, собственно, все.

Поэтому там, где есть ниши для малого и среднего бизнеса, они и развиваются. Например, общественное питание в Москве, строительство и т.д.

Чем опасен третий путь

Дальше мне следует разрушить или подтвердить миф о сильном огосударствлении в последнее время.

Согласно статистике, в прошлом году из 17 трлн руб., которые пошли на инвестиции, 13 трлн дал частный бизнес.

Конечно, и этого недостаточно. Но гораздо важнее другое. То, что наше государство больше вмешивается в то, во что вникать как раз не надо. Но зато не вмешивается в то, что требует властного контроля.

С другой стороны, мне кажется абсолютно мифологической идея разрушения монополий крупнейших национальных компаний, разделений их на частные конкурирующие части. Это будет такая новая морока, что мало никому не покажется. К тому же частная монополия, мне кажется, всегда злее и даже жаднее государственной.

Если говорить о стратегиях развития, то там тоже есть своя мифология. Один интересный миф восходит к плеяде тех реформаторов, идеологию которых сформулировал Егор Гайдар: «Третий путь ведет только в третий мир».

Я думаю, что эта была скорее идеологическая мантра, которая отрицала разумный прагматизм. Китайцы на это счет не задумывались. Они начинали свое восхождение с ликвидации голода. А это уже, если следовать мантре, прямая дорожка к третьему пути.

Но мы-то хотели прежде всего свободы. Московские либералы прямо говорили – колбаса вырастает из свободы. Звучало как диагноз: «Народ, получивший свободу без борьбы, мало ее ценит».

Такая идеализация по ходу движения неизбежно оставляла на обочине любой прагматизм. Кроме прагматизма по сохранению собственной власти.

Почему мы не хотим принять хотя бы однажды формулу: неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей. Поэтому в 1917-м нужна была красная кошка, а в 1991-м – белая. А с мышами уже как получится.

Отсюда массовая бедность, а также дискредитация свободы и других демократических ценностей. И от этого очень грустно.

Еще более тяжелое чувство я испытывал позже, когда произошел разгром Российской академии наук. Причины этой трагедии вырастают из какого-то совершенно нерационального нетерпения. Такую социальную болезнь, которой друг от друга заражаются не очень умные бюрократы, Лев Толстой называл «зудом реформаторства».

В этом смысле наш Институт экономики РАН слывет слегка архаичным центром, и коллектив это не очень беспокоит.

Лично меня даже не оставляет мысль поднять из архивов материалы, в которых целая плеяда «консервативных» академиков начала 90-х все-таки писала не идеологические мифы. Эти люди стояли в самом начале той реформации общества, которая могла пойти как раз эволюционным путем с гораздо меньшими затратами и жертвами.

Я ужасно не люблю этой холодной мудрости: «История не терпит сослагательного наклонения». Если она этого не терпит, то это ее личное дело. Но мы-то на что? К чему тогда все тирады о забытых идеях, утраченных традициях, погибших замыслах и т.д.?

Тогда давайте собирать или придумывать мифы и слухи. Это всегда будет в цене. Особенно в застывающих в своем развитии обществах...

http://www.ng.ru/stsenarii/2018-12-24/10_7472_postfactum.html